

Научная статья

УДК 339.3

DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(4).4

Д.А. Литвин*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***Г.В. Давыдова***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***А.И. Бирюкова***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ЭКОНОМИКА ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ КАК ОБЪЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

АННОТАЦИЯ. Выявленные многими исследователями проблемы лесного сектора связаны прежде всего, на взгляд авторов, с качеством институтов и с отсутствием эффективных институциональных отношений в отрасли. Приведенные в статье результаты, доказывающие факт существования причинно-следственной связи между качественными характеристиками институтов и институциональных отношений и экономическими результатами впервые показаны на примере лесной отрасли. С этой целью проанализированы экономические взаимосвязи субъектов лесной отрасли в контексте их институциональной среды. Выявлено, что существующая институциональная структура отрасли поддерживает конфликт стимулов между собственником (государством) и пользователем (арендатором) лесных земель. Исследованы теоретические аспекты спецификации прав собственности, минимизации транзакционных издержек и издержек контрактных отношений в лесной отрасли России для повышения ее экономической эффективности. Преобразования институтов лесной отрасли России должны основываться на сравнительных преимуществах существующих институтов, экономических моделях успешных лесохозяйств и учете объективных институционально-экономических показателей устойчивого роста, таких как спецификация прав собственности и минимизация удельных транзакционных издержек.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Лесная отрасль, экономические стимулы, частная собственность, государственная собственность, институционализм, транзакционные издержки, оптимальный контракт, институт аренды, государственно-частное партнерство.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 26 апреля 2021 г.; дата принятия к печати 23 ноября 2021 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2021 г.

Original article

D.A. Litvin*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation***G.V. Davydova***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation***A.I. Biryukova***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

INSTITUTIONAL IMPACT OF FORESTRY ON THE ECONOMY

ABSTRACT. The problems of the forest sector identified by many researchers are primarily related to the quality of institutions and the lack of effective institutional

© Литвин Д.А., Давыдова Г.В., Бирюкова А.И., 2021

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

relations in the industry, according to the authors' opinion. The results presented in the article, which prove the existence of a causal relationship between the qualitative characteristics of institutions and institutional relations and economic results, are shown for the first time in the case of the forest industry. In order to achieve the objective, the economic interrelations between forest industry entities are analyzed in the context of their institutional environment. It is revealed that the existing institutional structure of the industry supports the conflict of incentives between the owner (state) and the user (tenant) of forest land. The theoretical aspects of the specification of property rights, minimization of transaction costs and costs of contractual relations in the Russian forest industry to increase its economic efficiency are investigated. The transformation of Russian forest industry institutions should be based on the comparative advantages of existing institutions, economic models of successful forest management, objective institutional and economic indicators of sustainable growth, such as the specification of property rights and the minimization of specific transaction costs.

KEYWORDS. Forest industry, economic incentives, private property, state ownership, institutionalism, transaction costs, optimal contract, lease institution, public-private partnership.

ARTICLE INFO. Received April 26, 2021; accepted November 23, 2021; available online December 30, 2021.

Говоря об эффективности функционирования природно-ресурсной отрасли, следует рассматривать именно экономические показатели. Основные экономическими показатели лесной отрасли — это количество запасов, структура производства, глубина переработки лесопродукции, рентабельность лесных предприятий, бюджетный эффект отрасли, положение на международном рынке, уровень непроизводительных потерь, монополизированность отрасли, барьеры, эластичность цен и др. Основной целью любого эффективного лесного хозяйства является обеспечение 100-процентного лесовосстановления вырубленных участков, при сохранении или увеличении эффективности экономических показателей.

Несмотря на очень интенсивный законодательский процесс реформирования отрасли за последние десятилетия [1], экономические показатели лесной отрасли РФ остаются на неконкурентном уровне и многие из них отличаются отрицательной динамикой. Сложившаяся в лесной отрасли РФ ситуация полностью зависит от ее институциональной структуры. Именно институциональная теория поможет объяснить, почему происшедшие институциональные преобразования не смогли сдвинуть с мертвой точки экономику отрасли и какие изменения требуются для реального экономического роста.

Методологические основы институционализма — это историзм и учет влияния социальной среды на экономические факторы [2]. Для лесной отрасли РФ определяющим ее институционально-экономическим вектором развития является исторический фактор. Так называемый «эффект колеи» (path dependence) имеет особую значимость учитывая резкий институциональный переход страны к рыночной экономике и проведение соответствующих реформ. Специфика таких реформ в лесной отрасли заключалась в том, что все лесные земли и ресурсы, расположенные на них, остались в собственности государства, однако появился институт аренды лесных участков и вся основная лесохозяйственная деятельность была переложена на плечи арендатора.

Согласно подходу типологизации институтов Дугласа Норта, их следует дифференцировать на формальные и неформальные [3]. Даже самые фундаментальные из формальных институтов можно изменить, как это было сделано в 2007 г. (был принят новый Лесной кодекс). Однако изменить традицию экономических отношений гораздо труднее, экстенсивная форма хозяйства — это неформальный

институт, сохранявшийся на протяжении всего времени существования лесной экономики в России, включая современное состояние отрасли. Для трансформации экстенсивной формы ведения хозяйства в интенсивную необходимо изменить ключевые формальные институты, которые поддерживают существование первой.

Учитывая, что формальные институты любой отрасли представляют из себя сложную многоуровневую систему взаимосвязанных элементов и имеют иерархичную структуру [4], нельзя просто принять или изменить одну институцию (установление, закон) в попытке изменить систему в целом. Особенно, если речь идет об экономических отношениях, где стимулы субъектов зависят от бесконечного числа факторов (математически не исчислимых). Но также важно понять, что условно-объективные экономические законы и модели не могут быть единственно определяющим мотивом институциональных изменений.

Как известно, сами по себе институты поддаются качественной классификации, например, разделение на инклюзивные и экстрактивные [5]. Несмотря на влияние вышеупомянутого эффекта «колеи» и возможность экстрактивных институтов приносить большую ренту в краткосрочной перспективе в порядках ограниченного доступа [6], правила экономического взаимодействия, при которых одна часть общества может изымать блага другой части общества, нельзя считать экономически предпочтительными. Сегодняшняя институциональная среда лесной отрасли России продуцирует конфликт стимулов между инвесторами, вступающими в лесной рынок, и государством, как единственным реальным собственником лесных ресурсов.

В центре данного конфликта находится вопрос об эффективном распределении прав собственности, включая обозначение границ собственности, спецификации, защиты и т.д. В реальной экономике права собственности не могут быть с абсолютной надежностью защищены и исчерпывающе полностью определены. Противоположная «спецификации» категория — «размытие прав собственности». Размытие характеризует незащищенность прав собственности, отсутствие их четкого обозначения и наличие различных ограничений.

Сам факт установления собственности на тот или иной ресурс не определяет хозяйственное состояние отрасли как эффективное или нет. Например, во многих странах существует государственная собственность на недра, но активы, которые находятся на этих недрах, непосредственно сами ресурсы, могут быть переданы в частную собственность. Более того, нельзя утверждать, что существует положительная корреляционная связь между удельным весом частной собственности в лесной отрасли и чистым дисконтированным притоком от инвестиций (что характеризует благоприятный инвестиционный климат) [7]. Как правило, даже в странах-лидерах по лесозаготовке, основную ресурсную базу отрасли представляет небольшой процент частных землевладельцев. Канада — пример страны с бореальными лесами, — имеет около 8 % частных лесохозяйств, обеспечивающих рыночную, конкурентную среду страны во внутреннем и внешнем рынках.

В России, напротив, единственной формой государственно-частного партнерства является аренда лесов, что было определено федеральным законом «Основы лесного законодательства», принятым в 1993 г. Статья 8-ая современного ЛК РФ определяет земли лесного фонда и земли иных категорий, на которых расположены леса — как федеральную собственность РФ. При этом существующая институциональная среда не предполагает возможности перехода лесных участков в частную собственность. Согласно п. 2 ч. 5 ст. 27 Земельного кодекса Российской Федерации земельные участки из состава земель лесного фонда, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, ограничены в обороте. Так, в ст. 28 Федерального закона от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» прямо установлено, что отчуждению

в соответствии с данным Федеральным законом не подлежат земельные участки в составе земель лесного фонда. Кроме того, лесной фонд поименован в перечне объектов, находящихся в федеральной собственности, приватизация которых запрещена (п. 2.1 Указа Президента РФ от 24.12.1993 г. № 2284) [8].

Кроме абсолютного запрета частного владения лесным участком, по существующему кодексу за арендатором определены широкие обязанности, которые подразумевают экономически нерациональное поведение субъекта, т.е. некупаемые инвестиции. Например, выполнение лесоохранительной функции, т.е. охрана леса от пожаров, предотвращение и защита насаждений от незаконных рубок, других нарушений законодательства и тому подобных вредных воздействий, а также выполнение лесовосстановительных работ, подразумевающее определенные мероприятия по воспроизводству лесов на местах рубок и пожаров (в том числе пород, финансовый период спелости которых, сильно превышает максимальный срок аренды участка). Отсюда вытекает первопричина экономических проблем отрасли: если всю основную хозяйственную деятельность должен выполнять арендатор, на земле с ресурсом, принадлежащим арендодателю, то возникают очевидные противоречия в стимулах такой деятельности.

Размывание прав собственности коррелирует с увеличением транзакционных издержек, еще одной категорией институциональной теории, косвенно объясняющей современное положение дел в экономике лесной отрасли РФ. В рассматриваемой ситуации, конфликт интересов государства и арендаторов порождает следующие транзакционные издержки:

- издержки поиска информации (проведение аукциона на право заключения договора аренды лесного участка);
- издержки ведения переговоров;
- издержки измерения количества и качества рассматриваемого ресурса (таксация);
- издержки по спецификации и защите прав собственности;
- издержки оппортунистического поведения агентов (значительный теневой сектор лесной отрасли, монополизация, использование должностных привилегий и несовершенства законодательства).

Кроме перечисленных выше типов издержек, в лесной отрасли присутствует классическая проблема экстерналий (первопричина — размытие прав собственности). Дело в том, что ответственность (затраты), лежащая за предотвращение непроизводительных потерь, в частности, обеспечение противопожарной защиты, лежит на арендаторах лесных участков. Если учесть, что это является составляющим звеном лесоводственной (восстановительной) деятельности, плоды трудов, которой зачастую (когда период спелости пород выше срока аренды) не принадлежит арендатору. Получается, что ответственному лицу ничего не остается кроме как пренебречь своими обязанностями. В такой ситуации, от непроизводительных потерь, вызванных одним экономическим субъектом лесной отрасли будут страдать все окружающие его, так как пожары имеют свойство распространяться вне зависимости от границ участков разных арендаторов.

Теорема Р. Коуза раскрывает тесную связь транзакционных издержек и теории прав собственности. Четко предписанные и определенные права собственности интeрнализируют экстерналий т.е. внешние издержки становятся внутренними [9, с. 92–149]. Таким образом справедливо предположение, что «провалы» рынка, выражающиеся в отрицательных последствиях внешних эффектов на самом деле являются порождением несовершенного законодательства и размытых прав собственности.

Тем не менее, в реальной экономике «транзакционные издержки никогда не равны нулю» [10, с. 68]. Инклюзивная институциональная среда способствует

минимизации трансакционных издержек. Однако режим частной собственности на ресурс может также создавать новые издержки. Таким образом, трансакционные издержки могут определять эффективность институциональных изменений в отрыве от объективных законов экономики, показывая сравнительные преимущества разных институтов в конкретном обществе.

Следует принять во внимание выводы профессора Д.П. Фролова, доработавшего известную теорему Маевского: «чем эффективнее в эволюционном аспекте экономические институты, тем в большей мере способствуют они повышению трансакционных издержек». И действительно, повышение «сложности» экономической системы, как правило, ведет к увеличению трансакционных издержек. Теорема Фролова предполагает максимизацию общих и минимизацию удельных трансакционных издержек [11].

При проведении реформ приватизации в России, в том числе реструктуризации институтов лесного хозяйства, принятии нового лесного кодекса трансакционные издержки сильно возросли. Однако общий рост трансакционных издержек зависел в том числе от децентрализации отрасли и расширения рыночных связей, т.е. факторами, коррелирующими с эффективностью отрасли. Проблема в том, что и удельные трансакционные издержки также росли, учитывая перекалывание всей ответственности государства за лесное хозяйство на субъекты, не владеющие лесными участками.

В этом ключе, следует обратиться к традиционной институциональной теории оптимального контракта применительно к контрактным отношениям лесной отрасли. В условиях арендного пользования, чрезвычайно важным является соблюдение условий контракта, так как за их несоблюдение, экономический субъект полностью лишается источника своего дохода. Длительность инвестиционных циклов в лесном хозяйстве, обусловленная продолжительным периодом лесовыращивания, создает особые трудности в определении оптимального срока действия права аренды лесных участков. При этом экономические стимулы трансформируются и приобретают более сложную форму. Реакция экономических агентов на нестабильные экономические связи становится более бдительной, отсутствие возможностей и гарантий соблюдения контрактов — одна из основных причин оттока инвестиций из отрасли.

Действующие арендные контракты создают ситуацию, в которой полное соблюдение законодательства расходится с экономическими стимулами агентов, например, по уже упомянутым вопросам защиты лесного хозяйства от производительных потерь. Однако, положительные трансакционные издержки создают ситуацию, при которой контракт по определению не может учесть все нюансы экономического взаимодействия агентов и предусмотреть все взаимные права и обязанности. Также нельзя наверняка гарантировать исполнение контракта, так как исходя из институциональных теорий, всегда найдутся участники склонные к оппортунистскому поведению.

Кроме того, из-за большого количества административных решений в процессе создания арендных контрактов растут коррупционные риски. Их продуцируют в том числе: наличие необоснованных предпочтений для отдельных случаев проведения аукционов, неопределенность в понимании «предмета аукциона» и «права» на заключение договоров, отсутствие открытых процедур конкурсного отбора инвестиционных проектов и др.

Приведение стимулов в соответствие с исполнением контракта подразумевает заинтересованность арендаторов не только в заключении контракта, но и в исполнении своих обязательств в постконтрактный период. Такие меры существуют в системе, регулирующей экономику лесной отрасли. Например, за выполнение

всех предписанных по контракту обязательств и других законодательных правил, арендаторам предоставляется преимущество в процессе проведения торгов на те же лесные участки. Теоретически такая модель ведения хозяйства при корректной работе сравнима с частным владением участком.

Несмотря на это, законодательно закреплён именно институт аренды лесных участков. Рассмотрим две основные модели развития лесного хозяйства: интенсивную и экстенсивную. Применительно к эксплуатационным лесам цель любой модели лесного хозяйства, как и любой экономической модели вообще (*homo economicus*) — это максимизация собственной полезности. Вся экономическая деятельность лесной отрасли (эксплуатационных лесов) зависит только от спроса, предъявляемого на весь спектр товаров и услуг, создаваемых в ней. Таким образом, желание экономического агента максимизировать свою полезность абсолютно тождественно и зависит от удовлетворения потребностей общества в древесине и других товарах, услуг, работ, извлекаемых из леса.

Осуществление коммерческой деятельности при ведении лесного хозяйства подразумевает первым делом достижение периода окупаемости инвестиций. Каким-бы ни был характер такой деятельности — на первом этапе инвестору требуется лесной ресурс, который будет в дальнейшем продан или переработан. За счёт рубки лесных насаждений в краткосрочном периоде осуществляется удовлетворение текущих потребностей в древесине.

Также в удовлетворении нуждаются и будущие потребности в древесине, такая дифференциация чрезвычайно важна для определения влияния института аренды. Лесные ресурсы, как известно, относятся к возобновляемым естественно-природным ресурсам т.е. на одном и том же участке земли есть возможность добывать тот же ресурс, после периода его восстановления. Следовательно, удовлетворение будущих потребностей достигается выращиванием лесов надлежащего качества (проведением лесоводственных мероприятий). Баланс между текущими и будущими потребностями и есть суть интенсивной модели лесопользования [12, с. 54–71].

С экономической точки зрения производство рубки и выращивание лесных насаждений являются приложением труда и капитала к лесному участку. В процессе эксплуатации леса (рубок) снижается совокупная стоимость лесов, она переходит в стоимость вырубленных насаждений, которые становятся собственностью арендатора. Этот процесс наглядно представлен на рис. 1.

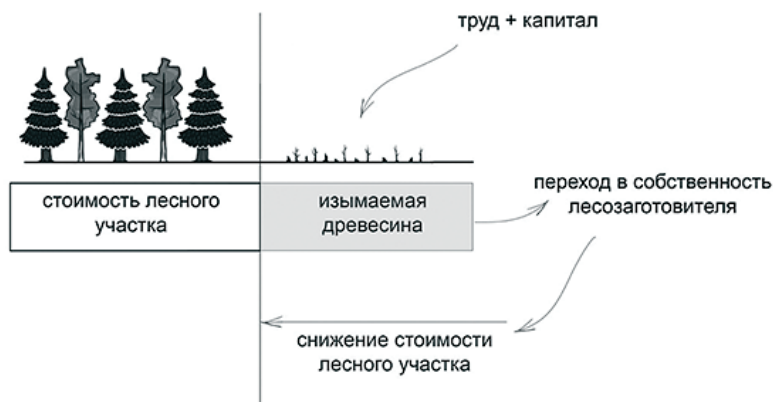

Рис. 1. Содержание эксплуатационной деятельности (заготовка древесины)

Максимизация текущих потребностей в древесине, с точки зрения увеличения общественного блага будет происходить в процессе максимизации доходов от заготовки древесины (объем древесины \times стоимость).

Обратный процесс происходит в случае максимизации будущих потребностей в древесине, т.е. приложение труда и капитала к осуществлению мероприятий по лесовосстановительной деятельности. Такие мероприятия повышают ожидаемую стоимость лесного участка к возрасту рубки (возраст финансовой спелости) в сравнении с ожидаемой стоимостью при текущей позиции (в отсутствии лесовосстановительных мероприятий). Если в процессе, представленном на рис. 1 арендатор взамен приложенных труда и капитала получает стоимость изымаемой древесины, то при лесовосстановительных мероприятиях результат приложения труда и капитала остается у владельца лесов, которым лесозаготовитель не является, учитывая институт арендного пользования лесным участком (см. рис. 2) [13].

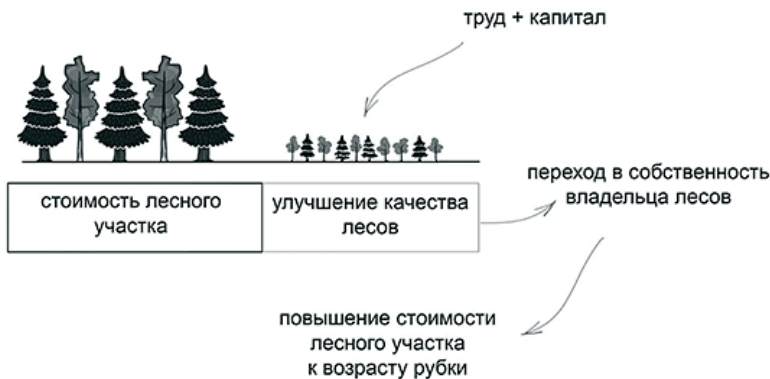

Рис. 2. Содержание лесоводственной деятельности (лесовосстановление и рубки ухода)

С помощью моделирования содержания эксплуатационной и лесоводственной деятельности можно явно обозначить влияние института аренды на развитии лесной отрасли экстенсивным способом.

Текущие общественные потребности совпадают с интересами частных экономических субъектов. Потому что удовлетворение частных интересов с помощью краткосрочной продажи древесины — это добровольное удовлетворение потребностей общества в древесине. Как говорилось ранее, будущие общественные потребности заключаются в увеличении стоимости лесного участка, а, следовательно, стоимости насаждений на данном участке. Однако инвестиции частного экономического субъекта в будущую стоимость лесного участка (стоимость растущих лесов) нерациональны, учитывая, существующее разграничение прав собственности.

Лесной участок обладает рыночной стоимостью сам по себе, а, следовательно, при частной собственности на него является частью материального благосостояния его владельца, вне зависимости от периода времени. При арендном пользовании лесной участок не имеет никакой стоимости для владельца. Таким образом мероприятия по лесовосстановлению, защите лесов от непроизводительных потерь, рубки ухода, создание лесной инфраструктуры и др., можно считать инвестициями частного субъекта в активы, не принадлежащие ему. Более того, чаще всего этот частный экономический агент не получит от такой деятельности вообще никаких доходов, отсюда явно следует, что стимулов к такой деятельности у

арендатора практически нет, кроме выполнения предписанных по законодательству правил.

Общественные и частные потребности совпадают в режиме частной собственности на лесной участок, так как в таком случае лесоводственные мероприятия, повышающие стоимость лесного участка, увеличивают благосостояние владельца. А кроме того выполняют функцию максимизации будущих общественных потребностей в древесине. В ином случае лесозаготовителю выгодно вести только такую лесоводственную деятельность, которая будет повышать его благосостояние в рамках периода действующего арендного договора. Если срок аренды 49 лет, то очевидно, что закладка лесных культур, рубка которых возможна лишь через 60–80 лет, невыгодна лесозаготовителю. Даже если за 49 лет он сможет провести две промежуточные рубки, отношение полученных доходов к расходам окажется ниже нормы процента: лесозаготовителю выгоднее вложить эти деньги в банк, чем в качественное лесовосстановление.

Эту проблему невозможно решить путем повышения срока аренды. Даже если договор аренды будет заключаться сроком до 100 лет, то по прошествии 30–40 лет у арендатора не будет экономических стимулов к проведению лесоводственных мероприятий. Не говоря о том, какие изменения за столь длительный период могут претерпеть формальные институты. Таким образом можно заключить, что в условиях института аренды частные интересы в лесной отрасли противоположны общественным. А лесная отрасль может развиваться только по экстенсивной модели, учитывая отсутствие стимулов к неистощительному лесопользованию.

Такая институциональная проблема может быть решена за счет пересмотра правил системы лесопользования. Система должна быть устроена таким образом, чтобы владелец лесного участка сам платил за его долгосрочную стоимость. Теоретически, при арендном лесопользовании это может работать в случае вычета всех предписанных затрат арендатора в рамках лесоводственных мероприятий из арендных платежей. Однако российская лесная отрасль, итак, отличается низкими арендными платежами, особенно в рамках реализации приоритетных инвестиционных проектов и различных стратегий развития.

Другое решение проблемы — возложить на плечи государства (специальных служб, ведомств, министерств), как реального собственника лесных земель, ответственность и, соответственно, затраты на лесоводственную деятельность. Ведь эффективность государственного управления лесной отраслью подтверждает опыт СССР, что особенно важно, в контексте институциональной среды (path dependence). Однако, если и можно говорить о преемственности институтов, то только в следующем ключе.

По мнению аналитиков федеральных органов управления, лесами А. Писаренко и В. Страхова, спад лесозаготовок — следствие рыночных реформ 1991 г. Однако, происходившее после 1988 г. снижение использования расчетной лесосеки стало, скорее, индикатором экономического исчерпания экстенсивной модели лесопользования, когда углубление фронта рубок первичных лесов уже не могло быть экономически компенсировано из-за увеличения плеча вывозки древесины. Именно поэтому, несмотря на все попытки федеральных органов управления лесами увеличить использование расчетной лесосеки, данный показатель остается в 1,5–2 раза меньше, чем во времена «плато» советского экстенсивного лесопользования 1960-х — 1980-х гг (см. табл. 1) [14].

Если бы лесоводственная деятельность велась надлежащим образом, то плоды ее результатов можно было бы ощутить и после институциональных изменений 90-ых. Однако, если в 1912 г. среднее расстояние перевозок лесных грузов составляло 560 км, в 1940 г. — 1 019 км, то в 1970 г. — 1 700 км. Затраты на перевозку

Динамика использования расчетной лесосеки (ААС) в 1966–2017 гг

Год	1966	1988	1990	1993	1997	1999	2001	2015	2017
% освоения расчетной лесосеки	54,4	53,6	47,0	32,9	19,1	22,3	22,0	30,4	30,1

лесных грузов уже к 1960 году достигли общего объема инвестиций во все отрасли лесопромышленного комплекса [15].

Более того, объем лесовосстановления, как и прочие важные показатели в лесной отрасли России, на протяжении всего периода ее существования измеряется в гектарах. Такие количественные показатели как гектары и кубометры не могут отразить качественное изменение отношения выбытой древесины к восстановленной. Тем более, что в составе лесовосстановительных мероприятий лишь около 40 % приходилось на посадки леса, остальные 60 % на меры содействия естественному возобновлению

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что институциональная структура, при которой государство несет полную ответственность за лесоводственную деятельность, развивается по экстенсивной модели лесопользования. В данном случае «эффект колее» демонстрирует институциональную преемственность такой модели развития вне зависимости от реформирования формальных институтов. Поэтому вопрос направления институционального совершенствования отрасли лежит в плоскости государственно-частного партнерства. Это могут быть контракты на управление и арендные договоры (management and lease contracts), концессии (concession) или частичная приватизация активов (divestiture). Главное, чтобы институциональная среда не противоречила естественным экономическим интересам агентов и была ориентирована на долгосрочное удовлетворение интересов общества.

Принимая во внимание исследованные, с помощью традиционной институциональной теории и работ современных авторов, особенности экономических отношений субъектов лесной отрасли России — можно заключить, что существующая институциональная среда способствует возникшему в следствии арендных отношений конфликту интересов. Однако, институциональная теория не дает однозначного ответа об абсолютном экономическом преимуществе разных форм собственности. Преобразования институтов лесной отрасли России должны базироваться на сравнительных преимуществах существующих институтов, экономических моделях успешных лесохозяйств с аналогичными переменными и учете объективных институционально-экономических показателей устойчивого роста, таких как спецификация прав собственности и минимизация удельных трансакционных издержек.

Список использованной литературы

1. Суховольский В.Г. Закономерности генерации нормативных документов по природопользованию в СССР И РФ / В.Г. Суховольский, А.В. Суховольский, Е.В. Нестеренко // Инженерная экология. — 2010. — № 4. — С. 52–61.
2. Нуриев Р.М. Очерки по истории институционализма / Р.М. Нуриев. — Ростов-на-Дону : Содействие — XXI век : Гуманитарные перспективы, 2010. — 415 с.
3. Кохен С. Подход к институтам с точки зрения социальной системы: примеры из западной экономической истории / С. Кохен. — DOI 10.17835/2076-6297.2016.8.3.006-034 // Журнал институциональных исследований. — 2016. — Т. 8, № 3. — С. 6–34.
4. Пыжев И.С. Реализация теоретического подхода к оценке экономической эффективности институциональных изменений на отраслевом рынке / И.С. Пыжев, В.П. Горячев. — DOI 10.23683/2073-6606-2018-16-2-99-113 // Terra Economicus. — 2018. — Т. 16, № 2. — С. 99–113.

5. Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д.А. Робинсон ; пер. с англ. Д.П. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. — Москва : АСТ, 2016. — 649 с.

6. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт ; пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 480 с.

7. Орехова С.В. Институциональные факторы выбора ресурсной стратегии предприятия / С.В. Орехова. — DOI 10.17835/2076-6297.2016.8.4.106-122 // Журнал институциональных исследований. — 2016. — Т. 8, № 4. — С. 106–122.

8. Колокольчикова О.С. Приватизация лесных ресурсов в Российской Федерации / О.С. Колокольчикова // Актуальные вопросы юридических наук : материалы Междунар. заоч. науч. конф., Челябинск, 20-23 нояб. 2012 г. / ред. О.А. Шульга. — Челябинск, 2012. — С. 59–61.

9. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз ; пер. с англ. Б. Пинскера. — Москва : Новое изд-во, 2007. — 224 с.

10. Смирнов И.К. Противоречия собственности: становление, разрешение, развитие / И.К. Смирнов, О.И. Смирнова. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — 155 с.

11. Фролов Д.П. Институты и транзакционные издержки: преодоление квазикузнецкой традиции / Д.П. Фролов // Вопросы регулирования экономики. — 2011. — Т. 2, № 4. — С. 5–23.

12. Интенсивное устойчивое лесное хозяйство: барьеры и перспективы развития : сб. ст. / под ред. Н. Шматкова. — Москва : Всемирный фонд дикой природы России, 2015. — 214 с.

13. Чуvasов Е.В. Переход от лесопользования к лесному хозяйству / Е.В. Чуvasов // Леспроектинформ. — 2019. — № 6 (144) — С. 24–29.

14. Моисеев Н.А. Лесное хозяйство России за 100 лет / Н.А. Моисеев // Россия в окружающем мире: 2001: аналит. ежегодник. — Москва, 2001. — С. 80–99.

15. Капогузов Е.А. Государственно-частное партнерство как объект институционального анализа: к вопросу о систематизации формальных институтов / Е.А. Капогузов, К.Г. Быкова // Журнал институциональных исследований. — 2014. — Т. 6, № 3. — С. 132–145.

Информация об авторах

Литвин Дмитрий Александрович — аспирант, кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: dima.lit99@gmail.com, SPIN-код: 6569-5767, AuthorID: 1092160.

Давыдова Галина Васильевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: DavydovaGV@bgu.ru, SPIN-код: 9989-3938, Scopus Author ID: 57212874569.

Бирюкова Анастасия Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: BirukovaAI@bgu.ru, SPIN-код: 7291-1514, AuthorID: 275197.

Authors

Dmitry A. Litvin — PhD Student, Department of Sectoral Economics and Natural Resource Management, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: dima.lit99@gmail.com, SPIN-Code: 6569-5767, AuthorID: 1092160.

Galina V. Davydova — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Sectoral Economics and Natural Resource Management, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: DavydovaGV@bgu.ru, SPIN-Code: 9989-3938, Scopus Author ID: 57212874569.

Anastasia I. Biryukova — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Sectoral Economics and Natural Resource Management, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: BirukovaAI@bgu.ru, SPIN-код: 7291-1514, AuthorID: 275197.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Литвин Д.А. Экономика лесной отрасли как объект институциональных воздействий / Д.А. Литвин, Г.В. Давыдова, А.И. Бирюкова. — DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(4).4 // *Baikal Research Journal*. — 2021. — Т. 12, № 4.

For Citation

Litvin D.A., Davydova G.V., Biryukova A.I. Institutional Impact of Forestry on the Economy. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 4. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(4).4.